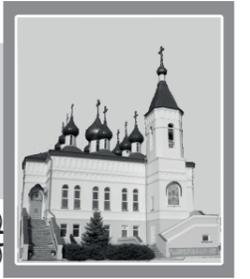

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

В Сочи есть микрорайон Хоста. Когда-то это был отдельный небольшой городок. В начале 30-х годов прошлого века в городском сквере горожане часто видели почтенного старца, торговавшего конфетами и пряниками. Это был обновленческий «митрополит» Евдоким Мещерский, оставшийся не у дел в затухающем расколе и не примирившийся с Церковью. Вскоре он приедет в Москву, умрет и ляжет костями на Ваганьковском...

Слово пастыря

А эта картинка имела место перед самой войной, в 1941-м. «Ежедневно по ступенькам Казанского собора пробирался одетый в потертые пальто с поповской шапкой на голове, с портфелем под мышкой, человек. Светлая бородка и очки – вид старого учителя. Это был бывший митрополит Ленинградский, много раз служивший в Казанском соборе в бытность свою архиепископом Гдовским – старшим викарием Ленинградской епархии». Здесь и далее, прямо или косвенно придется ссылаться на историка обновленчества и его активного участника Краснова-Левитина. В своей работе «Закат обновленчества» он подробно пишет о главных деятелях этой церковной язвы, которых хорошо знал. Николай Платонов. Кто о нем сегодня слышал? А между тем это имя гремело в свое время. Консерватор и патриот в молодости, он принимает обновленчество и служит расколу неумолимо. Много проповедует (религиозные лекции в большой моде в те дни). Потом вдруг перестает служить, занимаясь одним администрированием. Потом отходит от дел вообще. Иудин хлебушек зарабатывает лекциями о том, что «Бога нет» и статейками в газете «Безбожник». Доживает в Ленинграде до начала блокады. Голодает, всеми оставленный и никому не нужный. Но, в отличие от Евдокима, успевает покаяться.

«На третьей неделе Великого поста, – пишет Краснов-Левитин, – в среду, во время литургии преждеосвященных даров в Николо-Морском соборе происходила общая исповедь. Исповедовал престарелый протоиерей о. Владимир Румянцев. Неожиданно в толпу исповедников замешался Платонов и начал громко каяться, ударяя себя в грудь. Затем в общей массе он подошел к священнику. О. Владимир молча накрыл его епитрахилью и произнес разрешительную молитву.

– Господи, благодаря Тебя за то, что Ты простил меня! Веравал, верую и буду веровать! – воскликнул он, отходя от святой чаши. Он умер на другой день, в холодный ленинградский мартовский день, и погребен на Серафимовском кладбище в братской могиле, среди беспорядочной груды трупов умерших от голода людей». Таких историй было очень много, потому что и самих обновленцев было пруд пруди.

Мы склонны относиться к обновленцам как к темному фону, на котором страдают новомученики. Вот живоцерковники интригуют, сотрудничают с новой властью, подводя под расстрельные статьи и ссылки православное духовенство. Вот они, как маршочки, напяливают на себя незаслуженные белые клобуки и панагии, женятся по многу раз, не снимая сана, величаются вымышленными громкими титулами. Их видно в коридорах власти и на митингах. Их большинство, подавляющее большинство. И вдруг – хлоп! Слово их и не было. Новая власть, отработав их, как материал, больше в них не нуждалась. Ни в какой религии, даже в самой лояльной, даже с портретом Маркса в иконостасе, не нуждалась власть. И мавр, сделавший свое черное дело, должен был уйти с исторической сцены. А потом война, легализация Патриаршей Церкви, и вот бывшие демократизаторы церковной жизни кто-то кается, кто умирает в безвестности, кто еще что...

Тема очень актуальна, поскольку у Церкви, как говорит Фудель, всегда есть «темный двойник». И стоит Церкви ослабеть или врагу усилиться, как из всех щелей начинают лезть невесты где бывшие до сих пор активисты-обновители. Это будут обиженные прежней властью и обойденные в награжденном списке. Это будут литургические теоретики или просто карьеристы; будут изверженные из сана многоженцы или чего похуже и мечтатели о новой эре христианства. Замечено ведь, что никто не мечтает о «новой эре» больше, чем многоженец или чего похуже.

Церковь будет недоумевать и мучиться, а вокруг нее поднимется свистопляска. Это будет подлинный балаган далеких родственников, приехавших делить имущество умирающей матери. Правда, мать опять поправится, и вчерашние нетерпеливые могильщики любезно почтуют ей ручку, прося прощения. А некоторые, разобидевшись, уедут. Вот что пишет об атмосфере обновленчества его видный деятель Антонин Грановский: «Не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Живоцерковнические и содащевские архиереи не хотели посвящаться в епископы, их производили сразу во второй чин архиепископа. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков. Наплодилось невероятное количество архиепископов, митрополитов, которым не хватало белого крепу на клобуки. Открылась чудовищная, безудержная, хищная, ненасытная поповская свистопляска, какой-то наградный садизм».

Сам по себе Антонин был характерной для эпохи трагической фигурой. Гениально одаренный в области новых и древних языков, это был редкий чудак. Держал в келье прирученного медвежонка, усиленно изучал половой вопрос в ходе философско-религиозных собраний, составлял компиляции из древних литургий и слушал по ним. Будучи цензором, пропускал в печать все запрещенные книги. Патриарх Тихон запретил его в служении. Антонин подался к «живцам», но и там не перестал быть проблемой. Тем попам, которые были осведомителями ЧК (Красницкому, к примеру, виновному в смерти митрополита Вениамина), он мог сказать на Литургии: «Нет Христа посреди нас!», – и отказать им в Причастии. Обладая богатырской силой, он лично выбрасывал из алтаря за шиворот тех, кого презирал за предательство. Боялись его и те, кто хулил монашество, а таких в обновленчестве было немало. Вообще, прозрев, «ассенизационной бочкой православия» называл Антонин обновленчество со временем, и это справедливо для большинства расколов. Они канализируют всю нравственную грязь, просочившуюся в Церковь за годы внешнего мира. Грановский умер, не примирившись с Церковью и отойдя от обновленцев. Умер от рака мочевого пузыря и погребен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Особая тема обновленчества – это «наука страсти нежной, которую воспел Назон». Такое впечатление, что многие рванули в раскол именно ради возможности много раз жениться, не снимая сана, либо легализовать свои тайные фокусы в атмосфере вседозволенности. Это, от- метим, тоже яркая и почти повсеместная

характеристика расколов. Вот вам картинка (опять со слов Краснова-Левитина). На 55-м году жизни счастье улыбнулось «митрополиту» Николаю (Платонову). У него в очередном браке с певчей церковного хора родился сын. Дитя назвали Андреем. Памятуя, что когда-то Платонов служил в Андреевском соборе, некто поздравил его со словами: «Запомнилось вам все-таки служение в Андреевском». На что «митрополит» ответил: «Нет. Это я в честь Жданова».

Несколько раз был женат и легендарный вождь всего этого псевдохристианского безобразия – Александр Введенский. Давая его словесный портрет, Краснов пишет много интересного. Например, что тот проводил за роялем по 5-6 часов в сутки. Что любил деньги, но не копил их, а раздавал направо и налево. Что очень любил Литургию, хотя служил картинно, с позами и с декадентскими подвываниями. Ну, и что подлинной его страстью были женщины. Отдавая должное Краснову, нужно сказать, что он не опускается до деталей, ничего не смакует. Только называет грех по имени, пытаюсь не судить и не оправдывать. Когда Введенский умер, возле гроба его в Пименовском храме в Ворониках стояли обе официальные жены «митрополита». И почему-то с цветами пришла Александра Коллонтай, та самая, что проповедовала теорию «стакана воды» и «любовь пчел трудовых». Самая известная женщина – теоретик свободных половых радостей в царстве пролетариата. Обычных молящихся у гроба Введенского почти не было. Sic transit Gloria mundi.

На четыре разряда делит Краснов-Левитин участников обновленчества. Далеко не все они, говорит он, намеренные злодеи. И первые, самые многочисленные, – это попы-требоисполнители. Те, кому все равно, какой у них архиерей, лишь бы панихидку отпеть и дом освятить. Меняется власть или вектор общего движения, и они подстраиваются к новым условиям, то ли подавляя сердечное смущение, то ли не зная, что это такое. Так бывает всегда, вплоть до дней сегодняшних. Затем идут проходимцы, ловцы рыбки в мутной водичке, кто бы эту воду не взмутил. Они же помощники палачей, осведомители и сотрудники с любой властью. Их бог – карьера. Они ловят момент. Потом третьи – энтузиасты. Эти верят в то, что делают. Если заблуждаются, то искренне. Конец их – на плахе или в лагерях, потому что безбожники только до времени, на малый срок нуждаются в них, а затем пускают под нож в общей массе. Наконец, четвертые – это вожди. Их мало. Они без тельняшек, но они на капитанском мостике. Они тоже сотрудничают с властью и просят смерти невинным. Их терпят дольше. Затем, если не казнят, то скорее отбрасывают с презрением. И те, привыкшие к славе, деньгам, поклонникам, вниманию власти, уже не могут перенести свою ненужность. Совет или мучает их, или обида гложет – они быстро линяют, чахнут и мрут на обочине истории с клеймом Иуды на печальном челе.

Расколы есть и сейчас. Фиксируется и история расколов в лицах и документах. И, ба! И ты, Брут! И ты, Кассий! Внимательный взгляд опять покажет нам, что и категории раскольников, и их психологические портреты, и их мотивы весьма устойчивы на протяжении долгих времен. Похожи и условия резкого взлета, и черты бесславного заката. Все эти вещи просто почти без изменений кочуют во времени. И это, несмотря на то, что исторические одежды меняются часто и радикально.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Важно ли, во что одет человек во время молитвы дома?

Хотя одежда – внешний фактор, но она имеет свое значение. Одежда может дисциплинировать человека, например, воинская форма. Внешнее должно соответствовать внутреннему, а не противоречить ему.

Я живу в Болгарии. Сначала я ходила в старостильную церковь, там мне священник за блудные грехи дал епитимью (каждый день делать по три земных поклона всю жизнь). Потом мне объяснили, что к ним нельзя ходить по причине раскола, и я перешла в официальную церковь. Если я ушла от старостильников, то моя пожизненная епитимья на мне остается или она с меня снята? И еще вопрос: существуют ли пожизненные епитимьи?

По моему мнению, вам надо заново исповедовать грехи в официальной Церкви; а епитимья, полученная у раскольников, не имеет силы. Епитимья – это обязательное правило, которое дается для борьбы с грехом или его следствиями. По церковным канонам, пожизненных епитимий не бывает: каждая епитимья имеет свой, строго ограниченный, срок.

Если падение Адама есть следствие его свободы и безумия, то справедливо ли, чтобы трагическая греховность его потомков с потоком, жестокими войнами, ложными религиями и т.д. была бы следствием безумства, а не предопределением?

Войны, катаклизмы, эпидемии и т.д. являются следствием грехов, накопленных человечеством. Вся история является сложным взаимоотношением добра и зла, содеянного людьми. Предопределение учитывает нравственный потенциал человечества на основании божественного предвидения, и дает каждому человеку наилучшее для его спасения, сообразуясь с состоянием его души. В божественной воле есть два аспекта: желание Бога и допущение Бога. Мировые трагедии относятся к допущениям, так как свобода человека не возможна без реализации добра и зла.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

10.05.2017. В

НОВОСТИ

Севастополе освятили первый в России храм святых мучеников Пересвета и Осляби. Святые воины-монахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя принимали участие в Куликовской битве в 1380 году.

10.05.2017. 1000 подростков пытались покончить с собой за прошлый год в Израиле.

11.05.2017. Большинство христиан США не обладают «библейским мировоззрением», как показали данные исследования. Целью опроса стало исследование взглядов активных христиан Америки.

11.05.2017. В Нигерии 400 исламских радикалов обратились в христианство. Семь из них были посвящены в духовный сан, сообщает Christiantoday.

11.05.2017. Екатеринбургский «ловец покемонов» получил условный срок. Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга в четверг огласил обвинительный приговор блогеру Руслану Соколовскому, который играл в екатеринбургском Храме-на-Крови в игру Pokemon Go. Суд назначил Соколовскому наказание в виде трех с половиной лет лишения свободы условно.

«Ветро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

Уполномоченный снова замолчал, победоносно глядя на отца Льва. Тот медленно поднялся и, обратившись к владыке, громко сказал: «Вины моей нет. Я этого артиста не бил, а только увернулся от его удара». Потом он повернулся к уполномоченному: «А что касается регистрации, то я так скажу: пройдет несколько лет – и духу вашего не будет. Будете у себя на даче колорадских жуков регистрировать. А когда помрете, то я вас отпевать не стану. Даже если ваша жена будет слезно просить».

Сказал и сел. В зале поднялась невыносимая кутерьма. Все заговорили сразу. Но громче всех был слышен бас соборного протоиерея Кузьмы: «Да как же ты, отец Лев, откажешься отпевать? Ну, ты даешь».

– Да он ведь некрещеный, наверное, – раздался чей-то голос из задних рядов. – Надо спросить, крещеный он или нет, пока он тут.

Уполномоченный от такого поворота словно окаменел. Пока священники обсуждали проблему того, что с ним делать после его неминуемой кончины, он сидел, тяжело дыша, и вдруг срывающимся голосом закричал: «Прекратите этот поповский базар!» Он хотел добавить что-нибудь оскорбительное, но внезапный кашель не позволил ему. Он просто зашелся в кашле. Собрание умолкло. В наступившей тишине хриплый кашель стал походить на собачий лай. Уполномоченный вскочил и, семеня заплетаясь ногами, не переставая кашлять, бросился вон из зала.

– Эх его бесьяра скрутил, – сказал кто-то в заднем ряду.

Владыка поднялся с места. Все затихли.

– Давайте, пока уполномоченный не вернулся, решать, что делать с отцом Львом. Либо запрет, либо за штат... Уполномоченный настаивает на лишении сана.

Снова поднялся шум. Владыка поднял руку, стараясь успокоить отцов.

– Вы, отец Лев, в который раз ставите меня в подобное положение. Сколько лет уже в сане. Пора бы научиться сдержанности.

– Какая сдержанность с врагами Церкви, – проворчал отец Лев.

– Ну вот. Вижу, что ничего не поняли. Это из партии можно было уйти хлопнув дверью. А ведь вы иерей Бога Живаго. От Бога не уйдешь.

– А я и не собираюсь. И вас прошу не лишать меня сана. Я, ваше преосвященство, тогда погибну.

Он помолчал немного и, упрямо трянув головой, произнес:

– Да не слушайте вы клеветников. Они вынудили меня...

– Опять они. Да скажи хоть что-нибудь о своей вине.

– Виноват в том, что доставил вам неприятности, а в том, что не уступил врагам Господа нашего, вины не нахожу, – отец Лев оглядел притихших отцов. – Простите, ваше высокопреосвященство. И вы, отцы, простите. Я, наверно, что-то не понимаю. Не достиг меры мудрости вашей. Не разумею политеса и всякой политики. Простите.

Владыка едва заметно улыбнулся и сел.

– Так что же нам, отцы, делать?

С минуту стояла тишина. Духовник епархии отец Димитрий громко скрипел стулом. Он тяжело поднялся и вздохнул.

– Благословите, владыка! Вы все знаете о моем преступном прошлом. Десять лет лагерей и семь лет ссылки. Старый лагерник. А кто меня туда упек? Да такой же товарищ, как и тот, что повелел собрать нас здесь. Вон он в сенях кашляет. Сажать они нас могут. А вот решать, кому быть в сане, а кому нет – позволять им нельзя. Да и кого он приказывает лишиться священства! Отца Льва! Простите отцы за правду, но он, может быть, более всех нас достоин сана. Вспомните, как он пришел в Церковь. На какие жертвы пошел. А как он исполняет свои обязанности! Сколько храмов отремонтировал! Церковь новую построил! Сколько безбожников к Богу привел! А как он к нам на престольные праздники приезжает. Никого не забудет: ни матушек, ни детушек. Всех по именам помнит, всех одарит. Для всякого слово доброе найдет. А что несдержан... Так я ему даже завидую. Не всякий из нас имеет дерзновение с врагами Церкви воевать. Мы ведь боимся. Начальства, место потерять,

регистрации лишиться. А он не боится. Молодец! Достойный пастырь. Его не сана лишать, а за великие его труды предлагаю наградить митрой.

Архиерей даже крикнул от неожиданности.

– Как наградить?! Мы должны решить вопрос о наказании отца Льва...

– Митра, владыка, его смирит. Попомните мое слово. Вы же его после моей смерти еще и духовником епархии назначите.

Пока владыка нервно перебирал какие-то бумаги, несколько раз открывал и закрывал кожаную папку, священники дали волю эмоциям. Кто-то смеялся, кто-то недовольно гудел. Нескольким человек наперебой рассказывали о том, как отец Лев помог им. Отец Димитрий повернулся к виновнику собрания и громко стал давать совет, что делать, когда гнев начнет обуревать его:

– Ты, отче, что б тебе ни говорили, молчи и читай Иисусову молитву, а потом и скажи про себя: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешы мене». Так говори всегда, когда начнешь гневаться. Постепенно в уме и сердце созреет понимание, что гнев тебе не по чину. Не имеешь на него права. Я так от гневливости излечился. Даст Бог – и тебе поможет.

Видя, что отцы все больше воодушевляются и все громче галдят, епископ закрыл собрание. Уполномоченный так и не вернулся.

Через три недели отец Лев служил пасхальную службу в приделе Святого Георгия Победоносца. Он не стал дожидаться позволения, сам закончил проводку и отштукатурил стены. Народу было – полный храм. Бывшие сослуживцы приехали на двух автобусах. На Антипасху отец Лев был награжден митрой. Через три года был назначен духовником епархии. Он действительно стал удивительно кротким. Говорил немного, взвешенно и мудро. Прежде чем дать ответ, минуту-другую молчал. Скончался он прямо на амвоне от разрыва сердца, давая после службы прихожанам крест.

В суд тогда на отца Льва любящий муж не подал. Его подруга неохотливо для него воспользовалась горбачевской свободой и уехала из России. Уполномоченный после того епархиального собрания потерял прыть. Долго болел. В дела правящего архиерея перестал вмешиваться. На приходах вообще не появлялся. А через год умер. Он оказался крещеным, и вдова отпела его. Правда, заочно и вдали от областного центра.

О попе и «мерседесе»

У отца Виктора Нечаева были печальные глаза. Все, кто смотрели в них, чувствовали либо жалость и симпатию к нему, либо неловкость – словно были виновниками чего-то такого, что сильно его огорчило. Да и во всей его сутулой фигуре было что-то печальное. Может быть, поэтому он проходил в дьяконах пятнадцать лет.

– Ну какой ты священник, когда ты все время унываешь! – говорил ему секретарь епархии, объясняя очередной отказ рукоположить его во пресвитера.

– Я не унываю. Я печалюсь, – тихо отвечал дьякон.

– Печалишься. А ты не печалься. Смотри орлом. Владыка не любит мямлей. Печалюсь... Тоже мне, «рыцарь печального образа». Ты можешь себе представить Дон Кихота с кадиллом?!

Конечно, причина отказа в священстве была не только в печальном зраке дьякона Виктора. А печалиться ему было отчего. Сколько он себя помнил, поводов для радости в его жизни было немного. Он был внуком репрессированного профессора. Дед его озеленял южные степи лесополосами и угодил на просторы ГУЛАГа по доносу одного из своих коллег. Его обвинили в отравлении колхозного стада. Навет был нелепым, но это не помешало грозным дядям осудить его на 10 лет за «вредительство». Слава Богу, он выжил, вернулся домой и даже был восстановлен на родной кафедре. Но его любимый ученик, женившийся на его дочери, бросил ее вместе с полугодовалым сыном, как только узнал об аресте тестя. Так что Виктору не удалось испытать отцовской любви. Мать его – Вера Сергеевна – так и не вышла во второй раз замуж. В их профессорской квартире (прадед и прапрадед тоже были профессорами) семье Нечаевых оставались две комнаты, а в отобранные три вселились три семьи. Новые сожители в количестве шестнадцати человек пламенно возненавидели бывших хозяев. Чего только не натерпелись мать и бабушка Виктора, став «жиличками» коммунальной квартиры. Бабушка скончалась еще до войны. Она с великим трудом переносила унижения и издевательства властей и соседей. Виктора соседские дети нещадно били. Как только он оказывался в коридоре, все двери мгновенно распахивались и трое мальчишек

с двумя девчонками выскакивали, как бесенята из коробки, и начинали лупцевать его, приговаривая: «Советская власть вас не добила, так мы добьем. Ишь, буржуа! Две комнаты на двоих»... Конечно, это не дети придумали...

Вере Сергеевне редко удавалось прийти на помощь сыну. Она работала на полторы ставки в районной поликлинике. Витя после школы шел прямо домой, если не нужно было заходить в библиотеку сдавать прочитанные книги. Он читал в своей комнате, но время от времени нужно было все же выходить в коридор. Чуть ли не каждый вечер Вера Сергеевна, открывая входную дверь, видела одну и ту же картину: сын, прижатый к стене, закрывает лицо руками, а трое или пятеро отроков с отроковицами, расталкивая друг друга, пинают и бьют его кулаками. Она бросалась на выручку. Зверята со смехом и визгами разбегались по своим логовам, выкрикивая угрозы и обещая продолжить прерванную экзекуцию. Это, однако, не мешало матерям этих детей обращаться к Витиной матери, когда их жестокие сорванцы подхватывали какую-нибудь болезнь. Вера Сергеевна безо всяких упреков принималась лечить заболевших, хотя очень часто ей хотелось своими руками задушить этих злобных созданий.

– Мама, не лечи их, – просил Витя.

– Не могу. Я врач, – отвечала Вера Сергеевна, прижимая его к сердцу, целуя и стараясь утешить. – Терпи, Витенька. Господь терпел, и нам надо терпеть. Они исправятся. Им же самим от их злобы одно мучение.

– Ну да, мучение! Они хохочут и радуются.

– Это не радость, а болезнь души. Рано или поздно они поймут это.

– Поймут... Когда добьют меня.

– Терпи, мальчик. Господь сказал: «В мире скорбны будете».

Но терпеть было очень трудно. Особенно когда под глазом появлялся багровый синяк и одноклассники предлагали такой же поставить под другим глазом «для красоты и симметрии».

Ситуация изменилась, когда из лагеря вернулся дед. Долгое пребывание в среде урок кое-чему научило «гнилого интеллигента». Увидев, что вытворяют соседские дети с его внуком, он выговорил разговор их родителей и сумел сделать так, что Витю оставили в покое. Но если коридорные избиения прекратились, то во дворе и в школе его время от времени все же бивали.

А бивали за то, что он учился на одни пятерки, не играл вместе со всеми ни в войнушку, ни в футбол, не курил и не сквернословил. Все свободное время проводил за книгой. В четырнадцать лет свободно читал в подлиннике Гете и Шиллера. Но главное – по воскресеньям с матерью ходил в церковь. А уж за это сама партия требовала строгого наказания.

В университет Виктор поступил без блата. Дед его скончался, и замолвить слово за него было никому. Да и не было особой нужды. В то время еще принимали за знание, а не за мзду. Сокрушники Виктора уважали. У него появились друзья. Университет он окончил с красным дипломом, поступил в аспирантуру и через три года защитил кандидатскую диссертацию. Его труды по лесным биоценозам публиковались в зарубежных ботанических журналах. А в перестроечные годы ему даже удалось выступить на нескольких международных конференциях за пределами России.

Научная карьера удалась. Мизерное жалование его не очень огорчало. Уезжать из России он не собирался, хотя получил приглашения из нескольких немецких университетов. Мать его была хорошей хозяйкой и умела довольствоваться немногим. Ее собственной пенсии и денег сына и в самые трудные годы хватало для сносной жизни. Она даже выкраивала средства для помощи родственникам, бедовавшим в провинции.

Беда была в другом. Виктор никак не мог жениться. Он был застенчив и робок, а с девушками терялся до такой степени, что лишался дара речи и краснел, как, если верить поговоркам, краснели некогда девицы.

Ему было тридцать, когда из Саратова приехала приемная дочь племянницы Веры Сергеевны Мария. Она поселилась у них и стала прекрасной помощницей во всех хозяйственных делах. В медицинский институт она не попала, но поступила в медицинское училище. Вера Сергеевна, выйдя на пенсию, продолжала врачебную практику. Но только, в отличие от своих коллег, открывавших платные клиники и консультации, лечила людей бесплатно. От клиентов не было отбоя. Их поставил духовник Веры Сергеевны. Некоторые лекарства она готовила вместе с Машей. Использовала травы и минералы. Рецепты этих лекарств хранили в их семье более двух веков.

Продолжение следует

Отметим

Говорил авва Исаия: «Если ты молишь Бога, чтоб Он освободил тебя от угнетающей тебя греховной брани, и пребываешь неуслышан Богом: то не впади от этого в печаль. Лучше тебя знает Бог полезное тебе. Молясь Богу во время брани, не скажи: «Освободи меня от того-то или даруй мне то-то». Говори в молитве твоей так:

«Господи Иисусе Христе! Помоги мне, не допусти меня, заблудшего, пребывать в грехе моем; не допусти меня последовать воле моей; не допусти грехам моим погубить меня; умилосердись над созданием Твоим. Я немощен: не презри меня! К Тебе прибегах: не оставь меня; исцели душу мою, яко согреших Ти. Пред Тобою вси стужающи ми, и нет мне, Господь мой, иного прибежища, кроме Тебя. Господи! Спаси меня по великой милости Твоей: «да постыдятся и посрамятся» вси, возстающие против меня, «ищущие душу мою, изъяти ю» (Пс. 39, 15). Господи! Все возможно Тебе, и Тобою славим Бога Отца и Бога Святого Духа во веки».

Тогда совесть твоя скажет тайно сердцу, по какой причине Бог не внимает прошению твоему. От тебя уже зависит не пренебречь внушением совести и исполнить то, что она предлагает исполнить. Ведай, что Бог не внимает молитве только такого человека, который сам оказывает преслушание Богу. Бог близок к каждому человеку, но исполнение нами пожеланий наших, противных Его воле, не допускает Его услышать нас. Не попусти самообольщению обмануть тебя! Как земля не может принести плода сама собою, не будучи засеяна и орошена водою: так и человек не может принести духовного плода без злострадания, производимого подвижничеством жизнью, и без смиренномудрия».

«Бог всемогущ: любящих Его Он спасает от искушений, а лукавых предаёт погибели. Вера праведника в Бога претворяет зверей в агнцев».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

14 мая, вс. – Неделя 5-я по Пасхе, о самаряньине. Прор. Иеремии. Прп. Пафнутия Боровского. Прмчч. Афонских Евфимия, Игнатия и Акакия. Сщмч. Макария, митр. Киевского. Блгв. Тамары, царицы Грузинской. Мц. Нины.

15 мая, пн. – Понедельник 5-й седмицы по Пасхе. Свт. Афанасия Великого, архиеп. Александрийского. **Перенесение мощей блгвв. кнн. Российских Бориса и Глеба, во Святом Крещении Романа и Давида.**

16 мая, вт. – Вторник 5-й седмицы по Пасхе. Мчч. Тимофея и Мавры. Прп. Феодосия, игумена Киево-Печерского. Прп. Петра чудотворца, еп. Аргосского.

17 мая, ср. – Среда 5-й седмицы по Пасхе. **Отдание праздника Преполовения Пятидесятницы.** Прмч. Пелагии, девы Тарсийской.

18 мая, чт. – Четверг 5-й седмицы по Пасхе. Мц. Ирины.

19 мая, пт. – Пятница 5-й седмицы по Пасхе. Прав. Йова Многострадального. Прп. Михея Радонежского. Свт. Саввы, первого архиеп. Сербского. Прп. Йова Почаевского. Мч. Варвара, бывшего разбойника. Мчч. Варвара воина и иных.

20 мая, сб. – Суббота 5-й седмицы по Пасхе. Воспоминание явления на небе Креста Господня в Иерусалиме. Прп. Нила Сорского. Прп. Нила Мироточивого.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!